

Родыгин А.И.

Мои военные годы

Повестка из военкомата

3 июня 1941 г. мы со Стасом, моим лучшим другом (будущим доктором геолого-минералогических наук Станиславом Болеславовичем Шацким) сидели в актовом зале Научной библиотеки и готовились к экзамену по основам марксизма-ленинизма (ОМЛ). Это был наш последний экзамен за второй курс географической специальности геолого-почвенно-географического факультета (ГПГ) ТГУ. Экзамен предстояло сдать в тот же день после полудня.

Стас-человек подвижный, непоседливый ненадолго куда-то исчез, вернувшись никак не мог усидеть на месте. Я спросил: “Что с ним?”

Он предложил мне выйти. Мы спустились вниз, вышли на улицу, и он сказал, что был в общежитии и на тумбочке у вахтера обнаружил повестку из военкомата. “Вот она” – и он подал розоватый листок, адресованный мне и предписывавший явиться в райвоенкомат утром 5 июня 1941 г. одетым по сезону, имея при себе кружку, ложку и паспорт.

Еще в сентябре 1939 г., сразу же после зачисления на первый курс, все военнообязанные студенты нашего (да и не только нашего) факультета были призваны в РККА. Половина призванных студентов была отправлена в часть сразу же, а вторая половина оставлена в “команде 01 – до особого распоряжения”. Попавшие в эту “команду” сначала бросили учебу, ожидая скорой отправки, и бездельничали, но потом, после разъяснения военкомата и ректората, начали заниматься нормально. Так прошло два учебных года, в течение которых военкомат время от времени присылал по одной-две повестки, видимо, заполняя какие-то пробелы. Вот так пришла повестка и мне.

Экзамен по ОМЛ мы собирались сдать досрочно, поскольку нас обоих брал с собой в экспедицию в Туву профессор В.В. Ревердатто. Все было согласованно (в том числе и в военкомате), оставался только один этот экзамен. В связи с повесткой я не хотел сдавать его, о чем и сказал преподавателю (это был преподаватель из ТПИ Васильев, к сожалению, не помню его имени и отчества), но он возразил, что сдавать надо, когда-нибудь пригодится. Он оказался прав.

Первые дни

5 июня 1941 года всю нашу команду, состоявшую наполовину из студентов ТГУ, ТПИ и др. направили на медкомиссию. Ни одного, насколько было известно, не забраковали. На другой день посадили нас на пароход до Новосибирска. Там разместили всех в военном городке, в то время совершенно пустом, так как солдаты находились в летних лагерях. 10 июня мы что-то делали “на плацу”, когда вдруг пошел редкий крупный дождь, сменившийся очень крупным градом. Бывшие среди нас “старички” т.е., призванные из запаса, говорили: “Это не к добру”, но нам было только забавно.

Через день – два нас погрузили в “теплушки”- товарные вагоны, кое-как приспособленные для людей, и мы двинулись.

Никаких подозрений о том, что вскоре произойдет, не было. Все же гадали, что будет после Тайги: куда? Оказалось – на Восток. Между тем, на каждом полустанке, на каждом разъезде то и дело

мы видели встречные поезда, следовавшие один за другим. Им обеспечивалась настоящая “зеленая улица”. На них платформы с танками, оружием, автомобилями, фюзеляжами самолетов под брезентом, теплушки с солдатами, кричавшими нам: “Эй вы, салаги! Куда вы? Едемте с нами, скоро с немцем война!” Но мы все продвигались на Восток.

В Иркутске наш эшелон загнали в тупик дня на три. Распространился слух, что нас на восток отправили по ошибке и что выясняют, что делать дальше. Этому я не поверил, хотя, кажется, так оно и было. А может быть, и нет.

После Иркутска эшелон продолжал путь на восток, до Комсомольска на Амуре.

Война

На другой день после прибытия, ранним, хмурым утром на плацу - построение под морозящим дождем. Перед строем – политрук Н. Щекотихин. Он сообщает: “Вчера фашистская Германия, вероломнои т.д.”. Все, Война!. Еще вчера кое-кто из новобранцев говорил, что нас призвали на месяц,... на три месяца и т.п. Теперь стало ясно – надолго, или

Вот так началась моя служба в 1 – ой Краснознаменной Армии Дальневосточного военного округа, а затем – фронта.

Сначала – в Комсомольске, где нас часто посылали (или как обычно говорили – “гоняли”) на строящийся металлургический завод (Амурсталь) на разные подсобные работы. В результате мы удостоились присутствовать на торжественном открытии литейного и листопрокатного цехов. Так прошел первый год службы, с непривычки он тянулся очень долго (не так, как последующие).

В конце 1942 г. наш полк расформировали: часть отправили на Запад, часть – по другим подразделениям. Я попал в отдельный автотранспортный батальон, базировавшийся в Приморье. В нем прослужил еще один год, после чего попал в “маршевую роту”, предназначавшуюся для отправки на запад. Её, почему – то туда не послали, а расформировали; часть солдат направили в полковую школу, часть еще куда-то. Я попал в Благовещенское военно-пехотное училище, которое сначала находилось в г. Благовещенске, затем в г. Свободном Верхне-Амурской области.

По окончании училища, в августе 1944 г. был направлен на Камчатку, на должность командира стрелкового взвода 373 стрелкового полка 101 стрелковой дивизии.

Взвод мне достался необычный. Незадолго до моего прибытия на Камчатку была сформирована маршевая рота из “отличников боевой и политической подготовки”, собранных по приказу свыше из всех частей Камчатского оборонительного района. Кандидатов для отправки в эту роту определяли, конечно, командиры конкретных подразделений. Понятно, что состав оказался своеобразным. Эту роту с Камчатки почему-то не отправили, а повзводно разослали по разным полкам. Один взвод как раз и достался мне. Служивцы – офицеры потом говорили, что с любопытством наблюдали, что получится. Ведь все до одного солдата взвода были намного старше меня, они к началу войны уже отслужили свой срок, да к тому же еще “отборные”. Но ничего худого не случилось. Взаимоотношения почти со всеми как-то сами собой наладились, ветераны оказались надежными товарищами

6-е августа 1945 г

Перед войной с Японией наш полк начали бросать по Камчатке с места на место. Тона расчистку аэродрома, то на сенокос, помогать колхозу, то еще куда-то. 6-ого августа перебросили на

тихоокеанское побережье в район устья Сухой речки, где находился оборонительный участок полка – песчаный пляж, удобный для высадки десанта. Рядом была небольшая деревня – рыбацкий поселок. Рассказывали, что наш комполка грозился: “Если начнется, сожгу это гнездо!”. Причина в том, что в деревне оставались только женщины да старики, а появившиеся дети якобы сильно смахивали на японцев. Вот он и предполагал, что на нашем участке кое-когда высаживались японские рыбаки, а жители не возражали против этого.

Мне запомнился поздний вечер в начале августа. Ко мне в палатку пришли друзья-офицеры, в том числе парторг роты Николай Губенин – очень возбужденный и, как мне показалось, радостный. Он сообщил, что американцы сбросили на какой-то город Японии одну – единственную бомбу, и города вместе с жителями не стало. Это - атомная бомба. Мы долго, до самого отбоя, толковали об этом и в общем, как потом, оказалось, достаточно верно назвали основные поражающие факторы – взрывную волну, световое излучение, высокую температуру, но, помнится, не особенно отметили радиоактивное заражение. Общим впечатлением было – одобрение.

Оно и понятно: ведь странно было бы рассуждать в то время иначе, как много лет спустя. Единодушное мнение тех, кто находился в тот вечер в палатке, было: “Так им и надо!”. Интересно, если сейчас можно было бы спросить участников действий на Дальнем Востоке, каким был бы ответ? Отличался бы он от тогдашнего?

Наступление наших войск в Манчжурии и на Сахалине, а также бомбежка Хиросимы и Нагасаки сильно снизили воинственность японцев. Всем было известно, что планы у них были большие. Нам на Курилах попадались их пропагандистские схемы с концентрическими окружностями до Урала и с Токио в центре. Их войска на дальневосточных участках были в сохранности. Они легко могли потопить наш десант на подходе к Курилам, как они это сделали с американскими кораблями, пытавшимися захватить северную часть Парамушира (достоверные ли эти сведения, не знаю, нигде об этом я не читал, но такой разговор тогда был и его никто не опровергал).

Десант

После начала военных действий в Манчжурии стал распространяться слух о скорой капитуляции Японии. Нас по-прежнему перебрасывали с места на место. Наконец, в середине августа, числа 15 или 16 –ого, полк был доставлен в Петропавловский полк для посадки на корабли. Когда туда прибыла наша рота, часть десанта уже отчалила. Это был первый эшелон. Затем произвели посадку и мы. Отплыли числа 18-ого.

Первому эшелону досталось освобождать первый от Камчатки остров – Шумшу (японцы произносили по-другому – Самусю). Десант встретил сильное сопротивление, завязался сильный бой, были потери. Как там дальше развивались события, мы узнали только потом. Остров был освобожден в несколько дней, примерно к 23 – ему августа. В это время уже было сообщение о капитуляции Японии. Наш корабль был направлен на юг, к южной оконечности острова Парамушир – мысу Васильева (по-японски, кажется – Кукумабецу Ван). В конце августа (числа 29 или 30) началась высадка, уже без боя. Сразу же после высадки я получил приказ продвинуться вглубь этого мыса и занять оборону в районе аэродрома, что и было сделано. Вся взлетная полоса аэродрома оказалась заставленной множеством пустых бочек из – под горючего. Нам приказали расчистить эту полосу. Вскоре произвел посадку наш военный самолет, на котором прибыла группа старших офицеров. Не прошло и получаса, как ко мне прибежал командир приданного нам минометного взвода лейтенант Миша Бушков и сказал, что меня вызывает командир полка.

Вместе с Бушковым мы побежали в ближайший, огромный ангар, где находились прибывшее и наше начальство. В ангаре в виде квадратной колонны (каре) были построены японские солдаты.

Перед этой колонной – шеренга младшего комсостава, перед нею более короткая шеренга офицеров, затем двое и, наконец, впереди – один: пожилой, с сильной проседью, с золотыми пломбами на передних зубах и в таком же пенсне офицер с кортиком на поясе.

В группе наших офицеров старший – незнакомый мне полковник из числа прилетевших. Я доложил о прибытии. Он спросил: “Знаете ли Вы английский?”. “Очень плохо” – ответил я. “Это не важно. Наш переводчик на другом острове. Спросите, есть ли у них переводчик”. Я спросил. В ряду японских офицеров произошло некоторое движение, вышел молоденький офицерик, мало похожий на японца, и что-то быстро произнес, чего я не понял. Пришлось повторить вопрос, после чего вышли еще двое. Один из них говорил достаточно понятно. Позднее выяснилось следующее: первый был настоящим переводчиком, знал не только английский, но и немецкий, и произношение у него, вероятно, было вполне правильное, т. е. таким же невнятным, как у настоящего американца или англичанина. Третий знал английский хуже меня, а вот второй оказался самым подходящим, это был Норио Тонита, - бывший студент второго курса Токийского коммерческого университета. Ну, а я тоже после второго курса – Томского университета. Словом, мы оказались одинаковыми “знатоками” английского. С ним-то и состоялось все дальнейшее общение. Вот с этого момента я неожиданно сделался эрзац переводчиком.

Прежде всего, пришлось кое - как растолковать слова полковника о том, что прежние подразделения и их командиры сохраняются, что офицеры могут оставить при себе кортики, а сабли и огнестрельное оружие иметь запрещено (оно уже было сложено в стороне в кучи; значит, японцы с этим условием были уже ознакомлены до встречи с нами), что размещаться все должны там же, где и до этого. Помещение после 5 часов вечера и до 5 утра не покидать. Потом я получил приказ перевести прочие условия. Это оказалось более трудным делом, так как у меня имелся только, англо-русский карманный словарь и не было русско-английского. Пришлось текст сильно упростить, заменить сложные предложения простыми. Получилось топорно, но понятно.

Приезжее начальство вскоре отбыло, на мысе Васильева остался только наш полк. Начальство: командир полка – подполковник Губайдуллин, командир нашего батальона – майор Яковлев, командир роты – капитан – Кравченко, плюс командиры других рот, взводов и приданных подразделений.

Японцы

Во второй половине дня 30 августа майор Яковлев получил от старшего японского офицера майора Хикоджиу – Кито приглашение на обед. Яковлев прихватил и меня. Когда мы вошли в столовую, все японские офицеры (человек 20) уже сидели за столом. Непривычно было видеть фарфоровую посуду и пару палочек около тарелок. Ни вилок, ни ножей не было. В сумке у меня была, конечно, ложка, но как-то неудобно было ее доставать. В небольших рюмках было налито светлое вино. Старший офицер (тот самый, о котором я уже упоминал) сказал несколько слов. Норио перевел, что он желает здоровья русскому командиру. Первое блюдо состояло из двух частей: вареного совершенно несоленого риса с редкими тонкими волокнами мясных консервов, с горкой положенного в подобие пиалы (только с более высокими краями) и прикрытого другой такой же пиалой. Вторая часть – крепко соленый мясной бульон в такой же посуде.

Японцы палочками орудовали очень ловко: слегка уплотняют уже возле края пиалы, отделяют немного от остальной части, подносят пиалу ко рту – и все в порядке. Потом глоток бульона. В среднем соленость получается нормальной.

Второе блюдо - две картофельные котлетки, гарнир из кусочков вареной репы или брюквы, плюс в особой розетке темно-зеленый соус, в котором находилось что-то такого же цвета с подозрительно остроугольными изломами. Я палочками незаметно, как мне казалось, стал расправлять изломы и понял, что это сильно смятый лист какого-то растения, по вкусу – перца. На третье – по баночке мандаринового компота.

Во время обеда комбат несколько раз говорил мне, просил довольно громко: “Спроси у них, пусть дадут спирту...А то чёрт знает, что за...”. Норие всякий раз спрашивал, о чем он говорит. Я отвечал, что ему нравится ваше вино. После чего солдат-официант добавлял майору того же вина. На этом все и завершилось благополучно.

Вскоре комбат ушел. Норие пригласил меня в соседнюю комнату, куда перешли многие из бывших за столом. Сначала мелькнула мысль: “надо ли идти?”. Пошли. Пол в комнате сплошь застелен гладкими циновками из золотистой соломки. Японцы обувь сняли при входе, остались в одних носках, быстро расселись вдоль стенок, ловко поджав под собой ноги. Ни одного стула. Снять свои сапоги я, конечно, не мог. Сесть, как они, тоже не мог. Пока я озирался, солдат свернул несколько одеял, уложил их стопкой, так что можно было сесть по привычному.

Рядом на полу лежало несколько книжек, в том числе длинненькая нотная тетрадь. Я спросил: “Для чего это?”. Один из японцев взял ее, полистал, достал губную гармошку и сыграл сначала что-то свое, потом – знакомое “На сопках Манчжурии”. Нисколько не плохо. Все заулыбались.

Затем Норие сообщил, что он окончил перед призывом в армию два курса. Я тоже. Он – Токийский, я - Томский университеты. Я спросил: “Кто его родители?”. То же просил и он. Затем после моего вопроса он стал называть фамилии наших писателей, композиторов и др. Оказалось он знает очень много, причем не только самых выдающихся. Мне случайно в этом отношении повезло. Еще на Камчатке я получил задание подготовить беседу для солдат нашей роты по истории и культуре Японии. Теперь это мне пригодилось. Я тоже смог показать, что кое-что знаю о Японии. Если бы не это задание, то пришлось бы совсем плохо, так как прежние знания этих вопросов были практически “на нулях”.

Затем состоялся интересный разговор. Я спросил, как имя их императора. Ответ: “Император не имеет имени”. “А Хирохито?” “Это – имя человека, а Император есть Император. Если император скажет мне – умри, я умру тотчас же. Император – ставленник богини Солнца”. “Аматерасу?”. “Да, Аматерасу. Японцы – дети Аматерасу.” “А вам известен такой ученый – Дарвин?”

“Да, мы знаем Чарльза Дарвина и его гипотезу. Дарвин учит, что все живое произошло из протеста. Мы знаем, что японцы – дети Аматерасу.” “Но ведь учение Дарвина признают теперь все: англичане, американцы, русские немцы ...”. “Может быть для англичан, американцев, немцев (русских он не назвал) гипотеза Дарвина справедлива, для нас – нет”.

Надо заметить, что все это говорилось вполне серьезно, без обычной для японцев улыбки.

Это наиболее интересный разговор. Были и другие. В частности, Норие несколько раз начинал говорить мне о том, что Япония до конца соблюдала договор о ненападении. А вот.

Норио знал английский язык немного лучше меня. В школе у нас был немецкий. С английским я познакомился только на первом и втором курсах университета.

Японцев больше всего интересовал вопрос, куда их отправят. “В Токио?” Мне ничего не оставалось, как ответить: “Возможно, в Токио”. Вскоре прибыл большой пароход, который собрал пленных со всех островов, в том числе и с нашего, и транспортировал их во Владивосток. Больше я с японцами не общался.

Застава

После отправки пленных я получил приказ в составе моего стрелкового взвода, плюс пулеметный взвод и минометчики организовать заставу на тихоокеанском побережье Парамушира, километрах в 25 – 30 севернее мыса Васильева, на высоте 65,5 м. Над уровнем моря. Моя застава находилась посредине между нашим и соседним полком. Она была учреждением не напрасно. В то время было еще не совсем спокойно. Рассказывали, что кое-где обнаруживали японских солдат-одиночек типа камикадзе. Рядом с заставой находился небольшой пляж и развалины завода по разделке китов. Предполагалось, что это место удобно для диверсий. Оно интересно еще и по другой, не военной причине. От названной высоты в море выдаются две большие скалы, на которые можно легко пройти во время отлива. Скалы во фронтальной части отвесно обрываются в глубину, поэтому волны перед ним не взламываются, как это происходит на пологом побережье, а бьют в отвесную скалу с полной силой. Кажется, что при очередном ударе будет все сокрушено до основания. Впечатление незабываемое.

На заставе я пробыл осень и начало зимы. В полк вернулись только зимой, поздравили награжденных. Бывшие на заставе оказались забытыми.

Демобилизация

Летом и осенью 1946 года началась демобилизация рядового и сержантского составов. Из числа офицеров в первую очередь демобилизовали имеющих гражданские специальности, а также недоучившихся студентов. В эту категорию попал и я. В ноябре 1946 года я был уже дома, а с января следующего года снова стал студентом второго курса геологического факультета. Мне советовали продолжить учебу на третьем курсе, но за шесть лет так все забыл, что я решил третий семестр повторить. Это решение было правильным. Геологический факультет по специальности “минералогия и петрография” окончил в 1950 году, получив диплом “с отличием”, и был по ходатайству тогдашнего зав. кафедрой исторической геологии Леонида Алексеевича Рагозина оставлен на должность ассистента кафедры. В 1956 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1958 – 1960 г.г. вместе с женой Верой Георгиевной Родыгиной были откомандированы в распоряжение Министерства “Среднего машиностроения” для работы в ГДР. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию. В 1969-1975г.г. – декан ГФФ., в 1978 – 1989 г.г. – зав. кафедрой исторической геологии и палеонтологии, затем – профессор той же кафедры. С 1995 г. – Заслуженный деятель науки РФ. С 1999 г. Почетный разведчик недр, в том же году – Лауреат премии Томской области в сфере образования и науки.